

Максим Козлов

Говорящие стены

Максим Козлов
Говорящие стены

«Автор»

2026

Козлов М.

Говорящие стены / М. Козлов — «Автор», 2026

В королевстве, где магические Говорящие Стены хранят память народа, история переписывается каждые десять лет. Голод становится процветанием, предательство — героизмом, погибшие — предателями. За сто лет ложь повторена десять раз, и новые поколения верят камням безоговорочно. Но старый летописец Маркус помнит правду. Тайно, двадцать лет, он пишет книгу — единственное свидетельство настоящей истории. Когда его ученик Томас находит рукопись, он делает выбор, который запускает цепочку событий: предательство, казнь, создание подпольного кружка, пытки, побег, переход через горы с документами, способными изменить всё. «Говорящие Стены» — это аллегория пропаганды и исторического ревизионизма, история о том, как власть стирает память и как память сопротивляется. О людях, которые верят лжи, и о тех, кто находит в себе силы усомниться. О цене правды и о том, можно ли ее уничтожить окончательно.

© Козлов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Тот, кто помнит	5
Архивная пыль	12
Первый круг	18
Собор в подвале	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Максим Козлов

Говорящие стены

Тот, кто помнит

Дождь шел уже третий день. Он не был сильным, просто висел в воздухе водяной пылью, делая серый камень башни почти черным. Маркус сидел у окна и смотрел, как капли стекают по желобу. Ему было семьдесят три года, и он чувствовал каждую из этих цифр не в костях, а в том тяжелом, мутном осадке, который оседает на дне души, когда ты живешь слишком долго.

Комната пахла свечным воском и мышами. Хороший запах. Честный. В углу, заваленная старыми картами, стояла конторка красного дерева — единственная дорогая вещь во всей башне, подарок покойного короля Фредерика. Маркус редко подходил к ней теперь. Он писал на коленях, на маленькой доске, обтянутой вытертой кожей. Так было удобнее прятать написанное.

За стеной, в главном зале, снова заговорила Стена.

Голос у нее был глубокий, спокойный, как у человека, который никогда не сомневался в своих словах. Маркус знал этот отрывок наизусть. «В лето тысяча сто сороковое от основания Династии, когда солнце пекло землю, Король-Освободитель Ульрик привел караваны с зерном через Великую Пустошь, спасая народ от голода, насланного злыми духами...»

Стена лгала. И она делала это с такой уверенностью, что у Маркуса начинали ныть зубы.

В лето тысяча сто сороковое не было никаких караванов. Был Ульрик, да. Но Король-Освободитель? Маркус помнил его молодым Ульриком-Вешателем, который перерезал глотки трем старейшинам прямо на ступенях Храма за то, что те просили открыть королевские амбары. Зерно было. Но Ульрик продал его Северным Князьям за железо, чтобы выковать мечи. Народ ел кору и падаль. Дети рождались мертвыми. Это была правда.

Маркус потер переносицу. Пергамент на коленях был исписан мелким, убористым почерком. Он дописывал Главу о Великой Засухе. Чернила были бурыми, самодельными, из ржавчины и дубовой коры. Других не достать, не вызывая вопросов. Каждое слово давалось с трудом. Не потому что рука болела — она болела, но это было привычно. Трудно было писать правду, когда вокруг тебя, впитанная в каждый кирпич, вибрирует ложь. Она давила на барабанные перепонки, просачивалась через поры.

Маркус встал. Колени хрустнули. Он подошел к Стене в своей комнате. Это была старая кладка, еще времен первых каменщиков. Грубые, неотесанные булыжники скрепленные известкой. Если приложить ладонь, можно почувствовать легкую, едва уловимую вибрацию. Магия никуда не делась, просто эта часть Стены молчала. Ее «память» стерли лет сорок назад, во время первой Чистки, и забыли записать заново. Она была глухонемой.

В этом было спасение. Немые камни не предадут.

Маркус открыл потайную нишу за гобеленом. Гобелен был старым, изображал Битву при Сломанном Мосту. По официальной версии — великая победа. На гобелене враги бежали в ужасе. Маркус помнил, что на самом деле мост рухнул под весом королевской кавалерии, потому что инженеры перепутали расчеты, и утонули две тысячи человек. Гобелены не говорят. Но они напоминают.

В нише лежала книга. Тяжелая, в переплете из невыделанной свиной кожи. Страницы уже распухли от сырости. Он писал ее двадцать лет. Двадцать лет тайной войны с ветряными мельницами, которые орут голосами из каждой щели. Маркус называл ее «Хроники Молчания». Название было идиотским, он знал. Но оно отражало суть.

Он вернулся к окну. Светало. Дождь прекратился. Внизу, на площади, начали собираться люди. Рыночный день. Торговцы раскладывали рыбу и коренья. Через час они пойдут к Главной Стене Слушаний, чтобы подтвердить право на торговлю. Стена спросит: «Кто ты?». Они ответят. Стена сверит их голос с записями. Скажет: «Проходи». Или: «Ты внесен в список неблагонадежных, назови причину, почему тебя не следует казнить». Это не шутка. Так работает город.

Маркус отошел от окна и вытер чернильное пятно с пальца о штаны. Штаны были в пятнах. Он не любил стирать. Вода портит магические чернила, а если упадет хоть капля на рукопись, целый месяц работы псу под хвост. Старая Мойра могла бы стирать, но он не пускал ее в башню. Слишком многое она могла увидеть. А Стены умеют допрашивать слуг.

В дверь постучали. Три удара, пауза, еще один. Условный сигнал.

— Войди, — сказал Маркус, не оборачиваясь.

Дверь скрипнула. Этот скрип был единственным звуком в башне, который ему нравился. Он знал его пятьдесят лет.

Вошел Томас. Ученик. Юноша лет девятнадцати, худой, с острым кадыком и вечно прищуренными глазами, как будто он все время читает мелкий шрифт. Одет чисто, но бедно. В руках — сверток с едой.

— Вы не спустились к завтраку, мастер, — сказал он, ставя сверток на край стола, заваленного свитками. — Я принес хлеба и сыра. Сыр козий, свежий.

— Козий сыр воняет, — буркнул Маркус, но внутри почувствовал тепло. Томас был хорошим парнем. Слишком хорошим. Слишком правильным. — Положи и иди. Мне нужно работать.

— Над чем вы работаете? — спросил Томас, вытягивая шею, чтобы разглядеть бумаги. — Опять летопись Третьей Династии? Господин Архивариус сказал, что Стены уже записали новую версию в прошлом месяце. Там, говорят, нашли ошибки в датах. Королевский Корректор лично вносил правки.

Маркус хмыкнул. Королевский Корректор. Хорошая должность. Смешная. Если бы он не был так страшен, было бы смешно.

— Ошибки, значит, — сказал он, разламывая хлеб. Хлеб был черствым. — Стены ошибаются, Томас?

Томас посмотрел на него с искренним недоумением. Это выражение лица Маркус видел у всех молодых. У тех, кто родился после четвертой или пятой редакции. У них были чистые, незамутненные глаза людей, которые никогда не видели другого неба, кроме каменного свода пропаганды.

— Как Стены могут ошибаться? — Томас пожал плечами. — Они же ну, они просто есть. Это как спросить, может ли ошибаться дождь. Он просто идет или нет. Стены помнят. Им не нужно верить или не верить. Это же магия. Древняя. Истинная.

— Истинная, — повторил Маркус и откусил хлеб. Он жевал долго, не чувствуя вкуса. Истина стала вопросом технологии, подумал он. Технологии памяти. Какое уродство.

Томас подошел к Стене в комнате и коснулся ее ладонью, точно так же, как это делал старик.

— Эта молчит, — сказал юноша. — Почему ее не починят? Скучно без голоса. Я вырос в доме у Рыночной Стены. Она рассказывала сказки на ночь. Про Золотой Век. Я засыпал под историю о том, как наши предки летали на драконах.

— На драконах? — Маркус подавился крошкой и закашлялся. — Господи боже. Мы никогда не летали на драконах. У нас не было драконов. Это выдумка пятнадцатилетней давности, чтобы объяснить, откуда взялись обсидиановые копья. А копья мы купили у Островных Племен в обмен на пресную воду.

— Это вы так думаете, мастер, — вежливо, но твердо возразил Томас. — Но вы же знаете, что это ересь? Я слышал, как стража говорила о людях, которые отрицают Священных Драконов Основания. Их отправляют на перевоспитание в Северные Башни.

Маркус замолчал. Он слишком много сказал. Язык стал врагом. Старость делает болтливым, а болтливость убивает. Северные Башни были холодным местом. Оттуда не возвращаются. Возвращаются тихие, покорные тени, которые не помнят своих имен. Магия Стен умела не только записывать, но и стирать. В Башнях стирали людей.

— Я пошутил, — сказал Маркус. — Конечно, драконы были. Огромные. Зеленые и золотые. Я просто проверял твою веру.

Томас улыбнулся. Улыбка у него была открытая, белозубая. Странно, откуда у городского парня такие хорошие зубы при дефиците целебных трав. Наверное, из богатой семьи, но изгой. В ученики к летописцам идут либо фанатики, либо изгой. Томас был фанатиком.

— Я знаю, что вы меня проверяете, мастер. Вы всегда так делаете. Говорите странные вещи, смотрите, как яотреагирую. Но я не боюсь. Истина проста. Наше королевство — самое счастливое место на земле. Так было двести лет назад, так будет через тысячу лет. Стены подтверждают. Разве можно спорить с камнями?

— Нельзя, — согласился Маркус. — Камни — упрямая штука.

Он смотрел, как юноша уходит, аккуратно притворив дверь. В корзинке остался нетронутый сыр. Маркус взял его в руки, понюхал. Пахло кислым молоком и почему-то мокрой шерстью. Он начал есть сыр прямо так, откусывая большими кусками, запивая водой из глиняной кружки. Руки дрожали.

Сын моего друга, подумал он. Родной сын. Я обещал научить его ремеслу, обещал не бросать. Но как научить слепого различать цвета?

Стены гудели за окном. Они перешли к утреннему гимну. Мелодия была простой, гипнотической. Ее сочинили специально, чтобы входила в ритм сердца. Жители города останавливались, кланялись в сторону Главной Башни. Торговцы рыбой кланялись. Нищие кланялись. Грязные дети переставали кидаться камнями и кланялись. Единство.

Маркус не кланялся. Он сидел в темноте и жевал вонючий сыр.

Он вспоминал. Это было его единственным преступлением и его единственной свободой. Он вспоминал небо, затянутое дымом от погребальных костров во время Чумы Забвения. Чуму вычеркнули из анналов, потому что она показала слабость короны. Вместо нее вписали «Великое Очищение», когда духи умерших сами забрали грешников. Складно. Гладко. Никто не помнит, как трупы лежали на улицах три недели, потому что некому было хоронить.

Он вспоминал Лидию. Женщину с рыжими волосами, которая смеялась над сказками Стен. Она была ткачихой. Когда пришли Стражи Памяти, она плела гобелен с реальным изображением Битвы при Сломанном Мосту. С тонущими лошадьми, с солдатами, которые захлебывались в грязи. Крамола. Ее забрали ночью. Пять лет в Башне. Когда она вышла, волосы были белые, как снег, а глаза смотрели в пустоту. Она больше никогда не ткала. Только сидела у окна и повторяла записанный Стенами стих про Славную Победу. Маркус приходил к ней, держал за руку, но она его не узнавала. Она стала частью хора.

Маркус тогда начал пить. Потом бросил, потому что во хмелю язык развязывался, а рядом были уши. Сейчас он был трезв, если не считать легкого головокружения от голода и старости.

Он достал из ниши свою Книгу и открыл на том месте, где остановился вчера. Это была глава о «Голодных Ритуалах». Он писал:

«На десятый день голода старейшины приняли решение об убийстве первенцев. Это не было ритуалом. Это не было жертвой богам. Это была бойня, устроенная для того, чтобы оставшиеся в живых могли есть мясо. Королевская гвардия поддерживала порядок. Летописцы того времени, запуганные и проданные, назвали это Великим Постом. Через сорок лет

Стены запели об этом как о духовном подвиге. Через восемьдесят лет никто не знал, что подвиг пах паленой детской плотью».

Рука замерла. Он перечитал написанное и вдруг понял, что это бесполезно. Никто никогда не прочтет. Даже если прочтут — не поверят. Человеческий разум устроен проще, чем хочется думать. Если каждую секунду бодрствования слышать одно и то же, мозг принимает это как единственную реальность. Стены были гениальным изобретением. Они не наказывали. Они просто создавали мир.

Маркус закрыл глаза и заснул прямо за столом, уронив голову на рукопись. Ему приснился запах горящего хлеба. Так пахли пекарни до войны.

Прошло три дня.

Томас приходил каждый день, приносил еду, убирал золу из камина. Маркус ворчал, но гнал его все меньше. Тоска по человеческому теплу, даже такому пропитанному ложью, была сильнее осторожности. Юноша задавал вопросы. О построении фраз, о старых буквах, которые вышли из употребления после языковой реформы. Он был смысленным, этого не отнять.

На четвертый день Маркус заболел. Ничего серьезного, обычная осенняя лихорадка. Ломило кости, голова была чугуной. Он лежал в постели и не мог подняться. Томас ухаживал за ним: варил травяной отвар, менял холодные компрессы. Маркус бредил.

В бреду он говорил.

— Не верь... не слушай их... они трещат без умолку, но они мертвы... каменная ложь...

Лидия, спрячь гобелен... спрячь...

Томас вытирал пот с его лба и хмурился.

— Тише, мастер. Вы устали. Отдыхайте.

— Драконы... нет никаких драконов... мы сожрали детей...

Томас замер. Тряпка застыла в воздухе. Он посмотрел на старика, который метался в жару. Глаза юноши сузились еще сильнее, превратившись в две ледяные щелки.

— Что вы сказали, мастер? — спросил он тихо, но старик уже провалился в беспмятство.

Томас посидел еще немного, глядя на спящего. Убедился, что дыхание выровнялось, что старик спит глубоко. Потом встал. Он не был подлым человеком. Он был честным и верующим. Именно это делало его опасным. Он любил старого летописца, правда любил. И мысль о том, что его учитель — еретик и безумец, причиняла почти физическую боль, как будто ему самому вогнали нож под ребра.

Нужно было найти доказательства невиновности. Потому что если доказательств невиновности нет, значит, старик виновен. Таков закон.

Томас начал обыскивать башню. Он делал это методично, стараясь не шуметь. Сначала ящики стола — счета за свечи, старые перья, засохшие чернильницы. Потом сундук с одеждой — только старые рубахи и пропахший плесенью плащ. Он уже хотел остановиться, уже решил, что это просто старческое слабоумие, когда заметил гобелен.

Гобелен Битвы при Сломанном Мосту висел криво. Обычно Маркус поправлял его, ругаясь сквозь зубы на сквозняки. Сейчас он не был поправлен. Угол задрался, открывая едва заметную трещину в стене. Томас подошел ближе. Он не хотел этого делать. Ему было страшно. Это был липкий, тошнотворный страх, смешанный с чувством вины за то, что он вообще усомнился в наставнике.

Он отодвинул гобелен. Пальцы дрожали. Сначала ничего. Старая кладка. Он уже выдохнул. Но потом заметил, что один камень не зарос пылью. Томас надавил на него. Камень поддался с тихим скрежетом, и в открывшейся темной полости лежала она. Книга.

Томас вытащил ее. Кожаный переплет, грубые листы. Никаких заклинаний, никакой защиты, только запах сырости и старости. Он открыл наугад, посередине.

«...и тогда Король лгал в десятый раз, называя мир войной, а поражение — миром. И Стены повторили эту ложь. И никто не смел перечить...»

Руки юноши затряслись так сильно, что он едва не выронил тяжелый фолиант. Строчки прыгали перед глазами. Он читал про голод. Он читал про убийства. Каждое слово било его наотмашь, опровергая все, чему его учили с рождения. Это было... непристойно. Это было грязно. Он захлопнул книгу, как будто захлопывал ящик со змеями.

Сердце колотилось где-то в горле. В висках стучала кровь. «Это неправда. Это не может быть правдой. Мастер сошел с ума. Старые люди теряют рассудок. Стены — свидетели. Стены говорят...».

Но Стены не говорили об этой книге. Ни одна Стена в городе не упоминала этих фактов. Томас стоял посреди комнаты, прижимая к груди крамолу, и впервые в жизни ощутил чудовищное, разрывающее надвое сомнение. Оно было похоже на тошноту.

Он вспомнил улыбку мастера Маркуса, когда тот говорил: «Это я шучу». Это не было похоже на шутку. Это было похоже на крик.

Нужно было решать. Закон был прост, как удар меча: за хранение неподтвержденных записей — смерть. За недонесение — соучастие. Томас был верным подданным. Он верил в Короля-Освободителя Ульрика Пятого. Он верил в Справедливость Стен. Если он сейчас промолчит, он станет таким же предателем. Истина не в словах человека, истина в вечном камне.

Человек слаб. Камень вечен.

Решение пришло холодное, отрезвляющее, как пощечина. Он должен спасти учителя. Старика казнят, да. Но это казнь тела. Если оставить книгу, погибнет душа учителя. Он будет вечно гореть в ереси. Нужно очистить его имя. Нужно уничтожить источник скверны.

Томас подошел к камину. Угли еще тлели, красные, мерцающие. Он положил книгу на каменную решетку. Кожа переплета начала скручиваться, съеживаться. В воздухе запахло паленым мясом.

— Что... что ты делаешь?

Голос был слабым, надтреснутым. Томас обернулся. Маркус стоял в проеме спальни, держась за косяк. Он был бледен как полотно, глаза ввалились, но смотрели прямо на горящие страницы. В этом взгляде была такая жуть, такая черная бездна отчаяния, что Томас попятился.

— Вы больны, мастер, — заговорил он, срываясь на фальцет. — Вы не ведаете, что творили. Здесь ложь. Яд. Я уничтожаю это ради спасения вашей души.

Старик сделал шаг вперед. Потом еще один. Он не смотрел на Томаса. Он смотрел на огонь, пожирающий двадцать лет его жизни.

— Двадцать лет... — прошептал он. — Ты сжег двадцать лет жизни. Это была единственная правда в этом проклятом городе.

— Это хула на Корону и на Священные Камни! — почти крикнул Томас. В его глазах стояли слезы. — Зачем вы это сделали? Зачем вы заставляете меня предавать вас?!

Маркус наконец перевел взгляд на ученика. В его глазах не было ненависти. Была только усталость. Смертельная, вселенская усталость.

— Я не заставляю, — сказал он спокойно. — Ты уже предал. Огонь еще горит, мальчик. Донеси. Закончи начатое. Я не держу на тебя зла. Ты просто продукт этих стен. Ты — их лучшее творение. Говорящий камень с сердцем.

Томас всхлипнул. Он выбежал из башни, спотыкаясь о ступени, прижимая ладони к ушам, чтобы не слышать треска догорающей бумаги.

Стража пришла через час. Они вошли без стука. Вежливые, в черных мундирах Корпуса Коррекции Памяти. Маркус сидел в кресле, глядя на остывший пепел. Он даже не шевельнулся.

— Летописец Маркус из Башни Заката, вы обвиняетесь в составлении, хранении и распространении неканонической информации. Таково заявление вашего ученика, Томаса.

— Он хороший ученик, — глухо ответил Маркус. — Очень способный. Надеюсь, ему повысят жалование.

Главный стражник, молодой мужчина с выправкой офицера, посмотрел на старика почти с жалостью.

— Вам предъявят обвинение. Суд Стен будет скорым. Вы имеете право на последнее слово перед Забвением.

— Мое последнее слово, — Маркус поднял голову. — Посадите меня в мешок и утопите, мне все равно. Но дайте мне поговорить с мальчишкой. Пять минут. Для прощания.

Стражник колебался. Приказ был ясен — изолировать еретика. Но что-то в голосе старика заставило его кивнуть. Возможно, он тоже помнил что-то смутное, что еще не успели стереть.

Томаса втолкнули в комнату. Он выглядел ужасно. Лицо опухло от слез, руки тряслись.

— Мастер... простите... я должен был... закон... я...

— Помолчи, — оборвал его Маркус. Он говорил тихо, но каждое слово падало увесисто, как свинец. — У меня мало времени. Подойди ближе.

Томас подошел. Старик схватил его за ворот рубахи и притянул к себе почти вплотную. От него пахло лекарством и смертью.

— Слушай меня, щенок, — прошипел он. — Слушай внимательно. Ты вырос среди лжи. Ты слышишь ее с пеленок. Ты дышишь ей. Ты вырос с убеждением, что дерьмо пахнет розами. Ты не виноват. Слышишь? Не виноват. Потому что тебе никогда не давали другого выбора, кроме как нюхать дерьмо и называть это розами.

Он перевел дыхание. Рука, держащая ворот Томаса, побелела от напряжения.

— Но запомни одну вещь. Ты сейчас — голос Стен. Ты — истина сегодняшнего дня. Ты победил. Но через десять лет, через двадцать лет, Король или тот, кто придет ему на смену, перепишет историю заново. И твоя правда, та правда, за которую ты сейчас сжег книгу и сдал меня, станет ложью. Ее сотрут. И если ты посмеешь хоть пикнуть, если ты вспомнишь о ней, тебя казнят точно так же. Может, твой собственный ученик сдаст тебя.

Он отпустил ворот. Томас отшатнулся. В его глазах мелькнул ужас. Не страх перед наказанием, а ужас перед пониманием. Перед той математикой предательства, которую только что изложил старик.

— Подумай об этом, когда в следующий раз услышишь, как поет камень, — закончил Маркус. — Подумай, стоит ли верить стенам?

Дверь распахнулась. Стража схватила старика под руки и потащила к выходу. Маркус не сопротивлялся. Он шел, чуть приволакивая ногу.

Томас остался стоять посреди комнаты. Вокруг него в серых каменных стенах вибрировала вечерняя молитва. Голоса звучали ровно, утверждая, что за стенами города царит Счастье и Порядок. Что Враги разбиты. Что Урожай собран. Что Еретики горят в аду.

Томас смотрел на груды пепла в камине. Потом перевел взгляд на стену, где еще недавно висел гобелен.

Счастье и Порядок.

Где-то глубоко внутри, на уровне спинного мозга, что-то щелкнуло. Ему показалось, что он оглох. Но он не оглох — он просто перестал слышать музыку. Впервые в жизни он услышал не слова, а гул. Просто гул камней, усиленный резонаторами.

Он понял.

Стены не говорили. Они просто гудели, как пустые кувшины. А слова в этот гул вкладывали люди.

Томас вышел на улицу. Город жил своей жизнью. Зажигались масляные фонари. Тени метались по булыжной мостовой. На Главной Площади зачитывали приговор государствен-

ному преступнику Маркусу. Казнь назначена на рассвете. Имя преступника будет вычеркнуто из всех реестров. Его существование аннулируется задним числом. Его никогда не было.

Так пели Стены.

Томас поднял воротник плаща и пошел в сторону Архивов. До рассвета было еще далеко. Ему хотелось найти документ, любую мелкую бумажку, которую не успели переписать. Он должен был проверить слова старика. Он должен был найти хотя бы одну зацепку, подтверждающую, что камин сожрал правду, а не ложь.

Дождь снова начал моросить, смешиваясь с копотью фонарей.

Город пах сыростью и страхом.

Где-то за городской стеной, в Башне Забвения, старый летописец смотрел в темноту и улыбался.

Он знал то, чего пока не знал Томас.

Архивы врут еще громче, чем Стены. Потому что Архивы — это Стены, только записанные на бумаге. И найти там правду так же невозможно, как услышать крик рыбы в воде. Но он был рад, что мальчишка пошел искать. Значит, искра упала на сухой трут. Сомнение — единственное оружие против магии. Магия не выносит сомнений.

Маркус закрыл глаза.

Он сделал свое дело.

За стеной камеры гудели Говорящие Стены, возвещая о начале Эры Нового Процветания.

Архивная пыль

Бумага пахла смертью. Не той смертью, что на поле боя — с кровью, кишками и лошадиным навозом. А другой. Медленной, сухой, как осенние листья, забытые в книге. Томас стоял в подвале Архивной Башни, сжимая в руке оплавленный огарок свечи, и смотрел на бесконечные ряды стеллажей. Пыль лежала на полках слоем в палец толщиной. Здесь никто не убирал. Уборщики боялись. Архивариусы боялись. Все боялись тронуть что-то не то, прочитать что-то не то, вдохнуть не ту пыль.

Было холодно. Промозглая сырость сочилась из каменных стен, пробиралась под плащ, под рубаху, липла к телу как вторая кожа. Томас дрожал, но не от холода. Его трясло изнутри, от того глубинного, неосознанного ужаса, который поселился в груди после разговора со стариком.

Книгу сожгли. Учителя казнят на рассвете. Это свершилось. Но слова остались. Они вгрызлись в мозг, как крысы в зернохранилище, и теперь грызли его изнутри, не давая дышать. «Ты вырос среди лжи. Ты не виноват. Но когда-нибудь твоя правда станет ложью. И тогда тебя тоже казнят».

Архивная Башня была древним сооружением, построенным еще до того, как Стены обрели голос. Тогда информация хранилась на пергаменте, на глиняных табличках, на бересте. Тогда люди верили написанному слову больше, чем устному. Глупцы. Написанное слово подделывать еще проще, чем устное. Достаточно переписать.

Томас шел между стеллажами, и свеча выхватывала из темноты корешки фолиантов. Некоторые были в кожаных переплетах, другие просто стопки пергаamenta, перевязанные гнилой бечевой. Большинство книг молчало. Они были написаны до Эры Стен и теперь считались недействительными. Память, не подтвержденная магией камня — ересь.

— Что ты здесь ищешь, парень?

Голос раздался из темноты, и Томас едва не выронил свечу. Он резко обернулся. В углу, за горами сваленных в кучу карт, сидел старый архивариус. Томас знал его. Все звали его Крысом. Маленький, сгорбленный, с бельмом на левом глазу и редкими седыми волосами, свисающими с плешивого черепа как паутина. Он работал здесь столько, сколько Томас себя помнил. Говорили, что Крыс помнит первоначальную каталогизацию. Что он единственный, кто знает, где что лежит. Что он продает запрещенные тексты коллекционерам. Что он еретик. Что он святой. Врали, наверное, и то, и другое.

— Я... мне нужны старые налоговые ведомости, — соврал Томас. Голос дрогнул. — За сто сороковой год. По приказу мастера Маркуса.

— Маркуса? — Крыс хмыкнул и почесал небритый подбородок. — Того самого Маркуса, которого завтра утром вздернут на площади как собаку? Ты его ученик, да? Узнаю. Морда у тебя, как у побитого щенка, который еще не понял, что хозяин умер.

Томас сжал зубы. Он ненавидел этого старикашку с его грязными намеками и крысиной ухмылкой. Но сейчас Крыс был его единственным шансом.

— Мне нужны ведомости, — повторил он тверже. — Где они?

— Ведомости, — Крыс растянул слово, пробуя его на вкус. — Налоговые. Ври больше. Налоговые ведомости за сто сороковой год сожгли двадцать лет назад, когда вводили Новую Экономическую Политику. Ты бы знал это, если бы учился, а не молился на Стены. Но ты молился, да? Все вы, молодые, молитесь. Это проще, чем думать.

Томас молчал. Крыс сплюнул на пол, протер бельмо грязным платком и тяжело поднялся со своего стула.

— Идем, — бросил он. — Я покажу тебе то, что ты ищешь на самом деле. Не благодари. Просто запомни: если меня возьмут, я скажу, что ты угрожал мне ножом. И поверь, мне поверят больше, чем тебе.

Они шли долго. Архив был лабиринтом. Переходы сужались, поворачивали, уходили вниз по скрипучим деревянным лестницам. Воздух становился все более спертым, пропитанным запахом плесени и еще чем-то сладковатым — кажется, гниющими переплетами. Томас старался запоминать дорогу, но быстро сбился. Повороты, тупики, снова лестницы. Крыс двигался уверенно, как животное в своей норе.

Наконец они остановились перед глухой стеной. Крыс нажал на неприметный камень, и часть кладки отъехала в сторону. За ней оказалась маленькая комната без окон, освещенная только масляной лампой. Вдоль стен стояли стеллажи, забитые документами. Но это были не книги. Это были свитки, папки, отдельные листы, связанные в пачки.

— Архив изъятий, — сказал Крыс, закрывая за собой потайную дверь. — Здесь лежит то, что забыли сжечь. То, что не успели переписать. Ошибки Корректоров. Лень — единственное, что спасает историю от полного забвения, парень. Человеческая лень и бюрократический бардак. Если бы Служба Памяти работала хорошо, мы бы уже жили в мире, где вчера не существовало.

Томас оглядел комнату. Сердце колотилось где-то в горле. Он чувствовал себя вором, забравшимся в сокровищницу. Или в склеп. Трудно было понять, что именно он чувствует.

— Что здесь?

— Все, — Крыс широко развел руками. — Протоколы допросов, которые противоречат официальной версии. Карты с границами, которые менялись пять раз за одно столетие, но Стены говорят, что они были неизблемы всегда. Генеалогии, где у короля не те предки. Дневники. Письма. Документы на казни, которые потом объявили «торжеством справедливости». Копии указов, которые были отменены задним числом. Ты ищешь правду, мальчик? Здесь ее столько, что ты подавишься. Выбери, с чего начать.

Томас стоял, не в силах пошевелиться. Перед ним была вся ложь королевства, собранная в одном месте. Доказательства того, что мир, в котором он вырос, был фикцией. Но он все еще не верил. Где-то внутри теплилась надежда, что все это — еретические фальшивки, что Маркус был безумцем, что Стены все-таки говорят правду. Что его жизнь не была спектаклем.

Он протянул руку к первой попавшейся папке. Пальцы дрожали.

— Не эту, — Крыс перехватил его руку. — Это протоколы пыток Тайной Канцелярии. Слишком рано. Начни с чего-нибудь попроще. Вот, возьми.

Он сунул Томасу тонкую тетрадь в обложке из телячьей кожи. На первой странице было выведено каллиграфическим почерком: «Дневник Казначая Грегора, лето 1140 от Основания. Экземпляр изъят и подлежит уничтожению. Хранить до особого распоряжения». Распоряжение не пришло. Бумага выжила.

Томас открыл тетрадь и начал читать. Строчки прыгали перед глазами. Он читал о засухе. О том, как трескалась земля и горели посевы. О том, как крестьяне ели траву. О том, как Казначей просил короля Ульрика открыть амбары, но получил отказ. «Король сказал, что зерно — стратегический ресурс. Что его продадут на Север за сталь. Что народ потерпит. Что потери среди гражданского населения — приемлемая цена за усиление армии».

У Томаса пересохло во рту. Это не совпадало с историей Стен. Ни на йоту. Стены говорили о Короле-Освободителе. Стены пели о караванах с зерном. Стены утверждали, что голода не было, что были лишь временные трудности, героически преодоленные монархом.

А здесь, в дневнике мертвого казначая, мертвый человек писал правду. Не для потомков. Для себя. Просто записывал цифры и факты, чтобы не сойти с ума от того, что он видит.

— Ну что, щенок? — проскрипел Крыс. — Все еще веришь камням?

Томас не ответил. Он листал дальше. Казначей писал о том, как король приказал вымарать из отчетов упоминания о голоде. Как чиновники, отказавшиеся это делать, исчезали. Как появился приказ «О корректировке исторических данных». Это было сто лет назад. Это было первое переписывание.

Сто лет лжи. Десять переписываний.

Томас закрыл тетрадь. Его лицо побелело как бумага, которую он держал в руках.

— Учитель... он был прав, — прошептал он. Слова давались с трудом, будто он говорил на чужом языке. — Он говорил правду. Я сжег правду. Я сдал правду.

— Угу, — Крыс равнодушно кивнул. — Ты молодец. Образцовый гражданин. Твой учитель завтра умрет, а ты будешь жить с этим. Поздравляю.

Томас резко встал. Стул опрокинулся с грохотом.

— Я должен... я пойду к ним. Я расскажу, что ошибся. Я отзову показания. Скажу, что книга была моя, что я подсунул ее мастеру!

Крыс рассмеялся. Смех был сухим, неприятным, похожим на кашель чахоточного.

— Иди, — сказал он, отсмеявшись. — Иди, иди. Ты правда думаешь, что им важно, чья была книга? Им важно, что кто-то ее написал. Кто-то ее читал. Кто-то знает. Ты уже знаешь, парень. Ты уже заражен. Если ты сейчас пойдешь к Страже Памяти и скажешь, что видел это, — он обвел рукой комнату, — тебя посадят в соседнюю камеру. И казнят в один день с учителем. За компанию. У них это называется «групповое дело о дезинформации».

Томас замер. Стул так и лежал на полу. Свеча догорала.

— Что же мне делать? — спросил он тихо. Это был вопрос не Крысу. Это был вопрос в пустоту, в темноту Архива, богу, если он еще существовал.

— Делать? — Крыс поднял стул, уселся на него верхом и сложил руки на спинке. — Ничего. Забудь. Живи. Верь Стенам. Это самое безопасное. Правда тебя убьет. Она уже убила твоего учителя. Убьет и тебя, если ты не заткнешься.

— Я не могу забыть, — сказал Томас. Голос его звучал глухо, но твердо. — Я не смогу спать. Я буду слышать его голос. Я буду видеть, как горит книга. Я сжег двадцать лет его жизни. Я не смогу с этим жить.

— Сможешь, — отрезал Крыс. — Люди ко всему привыкают. К лжи, к крови, к дерьму. Привыкнешь и ты. Будешь пить. Найдешь бабу. Выучишь наизусть официальные гимны и будешь петь их пьяным голосом в кабаках. Большинство так и делает. Ты не особенный.

Томас покачал головой. Он еще не знал, что будет делать. Но он знал, что не сможет просто забыть. Что-то внутри него сломалось, и эта поломка требовала действий. Каких — он пока не понимал.

— Я хочу прочитать еще, — сказал он. — Дайте мне что-нибудь. Про Сломанный Мост. Про драконов. Про Великое Очищение.

— Ночью? — Крыс зевнул. — Ты собираешься сидеть здесь всю ночь?

— У меня есть время до рассвета.

Крыс посмотрел на него долгим, изучающим взглядом. Потом пожал плечами и полез в груды бумаг.

— Ладно. Читай. Только учти — знания разъедают душу, как кислота. Обратного пути не будет. Если ты прочтешь достаточно, ты уже никогда не сможешь смотреть на Главную Стену без тошноты. Ты будешь видеть ложь там, где другие видят истину. Ты станешь чужаком в собственной стране. Ты уверен, что хочешь этого?

— Да, — сказал Томас. Одно короткое слово, в которое он вложил всю ненависть к себе, всю вину, весь страх и всю решимость.

Крыс кивнул и начал выкладывать на стол документы. Папки, свитки, обрывки. Дело о Битве при Сломанном Мосту — инженерный отчет, подписанный главным строителем. Расчеты нагрузок на опоры. Вывод: мост не выдержит перехода армии. Приказ короля: выступить

немедленно. Последствия: обрушение, две тысячи утонувших. Официальная версия в Стенах: героическая атака врага, мост взорван подлыми диверсантами, король лично вел солдат в контратаку и сбросил врага в реку.

Дело о Драконах Основания. Переписка с Островными Племенами. Купчая на поставку обсидиановых наконечников в обмен на двадцать бочек пресной воды. Цена: смехотворная. Роспись вождя племени — крестик. Официальная версия: драконы были приручены Великим Предком и передали людям свое оружие перед тем, как улететь на небеса.

Дело о Великом Очищении. Списки умерших от чумы. Счета гробовщиков. Отчеты о сжигании зараженных кварталов. Приказ: «Во избежание паники переименовать эпидемию в ритуальное жертвоприношение духов. Семьи погибших объявить благословленными. Выплат не производить». Официальная версия: чумы не было. Было добровольное очищение грешников, вознесшихся к небесам в столпах священного огня.

Томас читал. Час за часом. Свеча догорела, Крыс зажег новую. Догорела и она. Томас читал, и мир рушился у него в голове. Каждый новый документ был ударом молота по фундаменту его личности. Все, чему его учили, все, во что он верил, все, о чем пели Стены — было построено на костях и лжи. Не просто ошибки, не просто неточности. Сознательная, холодная, просчитанная система уничтожения памяти.

— Зачем? — прошептал он, не отрываясь от бумаг. — Зачем они это делают? Зачем переписывать историю? Что им дает эта ложь?

— Контроль, — Крыс закурил вонючую трубку, наполнив комнату едким дымом. — История — это не просто рассказы о прошлом. Это то, кто мы есть. Если ты контролируешь прошлое, ты контролируешь настоящее. Люди, которые не знают своих ошибок, обречены повторять их. Люди, которые не знают своих преступлений, обречены считать своих лидеров святыми. Это азбука власти, мальчик. Ее проходят на первом уроке, просто вам, молодым, ее не преподаают.

— Но ведь есть же те, кто помнит? Те, кто жил до переписываний?

— Они умирают, — Крыс выпустил клуб дыма. — Твой учитель был одним из последних. Те, кто помнит, либо молчат, либо сидят в Северных Башнях. Либо уже в земле. Через поколение живых свидетелей не останется совсем. И тогда Стены станут единственным источником. Единственной правдой. Абсолютной. Непогрешимой. Вечной.

Томас закрыл последнюю папку. Небо за крошечным зарешеченным окном начало сереть. Приближался рассвет. Время казни.

— Я хочу спасти его, — сказал он. — Еще не поздно. Я могу пойти к Корректорам...

— Поздно, — перебил Крыс. — И незачем. Маркус знал, на что шел. Он двадцать лет писал свою книгу. Он знал, что его поймут. Может, даже хотел этого. Может, он хотел, чтобы ты нашел книгу. Может, он специально оставил тебя в башне, когда заболел. Ты не думал об этом?

Томас не думал. Он вообще ни о чем не думал в тот момент, когда шарил в тайнике за гобеленом. Но теперь слова Крыса заставили его замереть. А что, если старик действительно подстроил это? Что, если он знал, что Томас найдет книгу? Что, если он пожертвовал собой, чтобы заронить в ученика сомнение? Чтобы сделать из него нового летописца?

— Это было жертвоприношение, — сказал Крыс, будто читая его мысли. — Ты — его новая книга. Ты — текст, который он написал на живой плоти. Поздравляю, ты стал артефактом. Теперь у тебя два пути: либо молчать и гнить изнутри, либо продолжить его дело. Третьего не дано.

Томас встал. Ноги затекли, в голове гудело от недосыпа и обилия информации. Он чувствовал себя старым. Дряхлым. Как будто за одну ночь прожил целую жизнь.

— Я пойду, — сказал он.

— Куда?

— На площадь. Хочу увидеть его. Хотя бы увидеть.

Крыс пожал плечами.

— Дело твое. Только не высовывайся. Не кричи. Не плачь. Стража следит за теми, кто плачет на казнях. Слишком эмоциональная реакция — признак нелояльности. Надо смотреть спокойно. Одобрительно. Даже радостно. Ты должен быть рад, что справедливость восторжествовала. Иначе ты — в списке подозреваемых.

Томас кивнул. Он вышел из тайной комнаты, прошел через лабиринт Архива, поднялся по скрипучим лестницам. У выхода он обернулся. Крыс стоял в дверях, похожий на привидение в клубах табачного дыма.

— Если решишь продолжить, — сказал он негромко, — приходи. Я покажу тебе, где взять бумагу, которую не отслеживают. Где взять чернила. Как прятать записи. Научу шифрам. Я много чего знаю, парень. Я — как эти папки. Меня забыли уничтожить.

Томас кивнул и вышел в серый утренний сумрак.

Площадь была заполнена народом. Казни в городе были нечасты, и каждая становилась событием. Собирались зеваки, торговцы пирожками, нищие, городская стража, чиновники. Люди стояли плотной толпой, дыша паром в холодном воздухе. На специальном возвышении уже стоял эшафот — простая деревянная плаха, обитая железом. Рядом стоял палач в черном капюшоне. Палач был огромным, с руками как окорока. В руках он держал топор.

Стены пели. Их голос разносился над площадью, проникал в каждую щель, в каждый череп. Они зачитывали приговор. «За преступления против Исторической Истины, за попытку искажения Священной Памяти, за подрыв Основ Государственности, летописец Маркус, сын Тобиаса, приговаривается к Забвению...»

Томас стоял в толпе, сжимая кулаки. Он видел, как вывели учителя. Старик шел сам, без поддержки. Он был в чистой белой рубахе — традиционная одежда приговоренных. Руки связаны за спиной. Лицо спокойное, почти благостное. Он не выглядел испуганным. Он выглядел... удовлетворенным. Как человек, который закончил важную работу.

Их взгляды встретились. Толпа гудела, Стены пели, палач поправлял топор, а они смотрели друг на друга — старый летописец и его ученик-предатель. Томас ожидал увидеть в глазах Маркуса ненависть, презрение, боль. Но увидел только странное, теплое понимание. И еще что-то, похожее на просьбу. Или на приказ. «Продолжай», — говорил этот взгляд. «Ты теперь знаешь. Ты теперь должен».

Томас едва заметно кивнул. Сам не зная зачем. Просто рефлекс. Просто обещание, данное мертвецу.

Маркус улыбнулся. Улыбка была едва заметной, уголками губ. Потом он отвернулся и сам положил голову на плаху. Палач поднял топор. Солнце выглянуло из-за туч, блеснуло на стали.

Удар.

Толпа ахнула. Где-то заплакал ребенок. Торговец пирожками громко расхваливал свой товар. Кровь текла по деревянному желобу в специальную чашу — потом ее выльют в реку, чтобы даже прах не остался на этой земле. Имя Маркуса уже стирали из реестров. К вечеру ни одна Стена в городе не вспомнит, кто это такой. Его никогда не было.

Томас стоял, пока толпа не начала расходиться. Казнь свершилась. Справедливость восторжествовала. Пирожки были проданы. Город жил своей жизнью, и этой жизни не было дела до мертвого старика и его сожженной книги.

Томас пошел прочь. Ноги сами несли его куда-то, он не разбирал дороги. В голове был туман. Звуки города — крики торговцев, стук колес, пение Стен — сливались в один монотонный гул. Он дошел до Рыночной Стены — той самой, под которую вырос, которая рассказывала ему сказки на ночь. Она говорила сейчас. «Великая Победа при Сломанном Мосту... героизм наших солдат... мудрость Короля...».

Ложь. Все это была ложь.

Томас прижался лбом к холодному камню. Он чувствовал вибрацию магии, проходящую через его череп. Стена пела, и он ненавидел эту песню. Ненавидел каждую ноту, каждое слово, каждый кирпич.

— Я отомщу, — прошептал он камню. — Я восстановлю правду. Я сделаю то, что не успел учитель. Я стану голосом, который вы не сможете заглушить. Я клянусь.

Стена пела. Ей было все равно. Камни не слышат клятв. Камни слышат только приказы Корректоров.

К вечеру Томас вернулся в Башню Заката. Здесь уже побывала Стража. Комната была перевернута вверх дном, книги разбросаны по полу, конторка красного дерева взломана, гобелен сорван и изрезан в клочья. Тайник был пуст. Пепел из камина рассыпан по полу, затоптан сапогами. Ничего не осталось.

Кроме запаха. Запах сырости и свечного воска, запах старика, запах двадцатилетнего труда. Томас сел на пол, прямо в лужу воды из опрокинутого кувшина, и закрыл глаза.

Нужно было начинать. С чистого листа. Маркус умер, и теперь он, Томас, был единственным хранителем того, что узнал за эту ночь. Единственным, если не считать Крыса. Но Крыс был пассивным хранителем, сторожем на кладбище. А Томас должен был стать летописцем. Новым Маркусом.

Он нашел в груде мусора уцелевшее перо. Потом обрывок пергамента. Потом баночку с остатками чернил на дне. Сел за перевернутый стол и начал писать. Рука дрожала, буквы выходили кривыми, как пьяные муравьи.

«Меня зовут Томас. Я ученик летописца Маркуса, казненного за правду. Я предал его. Я сжег его книгу. Я донес на него Страже. Я сделал это, потому что верил Стенам. Теперь я знаю, что Стены лгут. Я пишу это, чтобы помнить. Чтобы, когда меня тоже сотрут, хоть что-то осталось. Правда в том, что...»

Он остановился. За стеной, в главном зале, снова запели Стены. Новый текст. Свежий. «Сегодня, в день Торжества Справедливости, был уничтожен опасный еретик, пытавшийся отравить умы ложью. Королевство очистилось от скверны. Народ ликует».

Томас закрыл уши руками и продолжал писать.

Первый круг

Прошла неделя после казни. Город забыл Маркуса быстрее, чем Томас мог себе представить. Имя старика стерли из реестров, из памяти Стен, из разговоров. На третий день трактирщик, у которого Маркус двадцать лет покупал хлеб и сыр, уже не мог вспомнить, кто это такой. На пятый день дети, игравшие у Башни Заката, придумали новую игру — кидать камни в окна заброшенного здания, где раньше жил «никто». На седьмой день Томас понял, что тоска по учителю превращается во что-то другое. В гнев. В холодную, расчетливую ярость, которая не мешала дышать, но меняла состав крови.

Он продолжал ходить в Архив. Каждую ночь. Крыс встречал его без удивления, как будто ждал. Как будто знал, что мальчишка вернется, как возвращается собака к месту, где ее пнули. Старый архивариус открывал потайную комнату, зажигал лампу и уходил, оставляя Томаса наедине с документами. Иногда он приносил еду — черствый хлеб и разбавленное вино. Иногда просто сидел в углу, курил свою вонючую трубку и молчал. Его присутствие не раздражало. Оно стало привычным, как скрип половиц.

Томас читал запоем, проглатывая информацию, как голодный проглатывает похлебку. Он изучал протоколы допросов, дневники, бухгалтерские книги, карты, чертежи. Он искал систему. Потому что если есть система, есть способ ее сломать. Если есть закономерность, есть способ предсказать следующий удар.

Закономерность нашлась быстрее, чем он думал.

Переписывание истории происходило не хаотично. Это был ритм. Раз в десять лет, в год Юбилея Династии, Королевский Корректор объявлял о «Великом Уточнении Хроник». Стены на месяц погружались в молчание. В это время в Башню Коррекции свозили архивы, старые записи, свидетельства. Что-то жгли. Что-то переписывали. Через месяц Стены начинали петь заново, и их голос звучал чище, увереннее, правильнее. Исчезали неудобные даты. Появлялись новые герои. Старые герои становились врагами. Враги становились союзниками. Союзники исчезали бесследно.

Томас составил таблицу. Десять циклов. Сто лет. Он выписал ключевые события каждого десятилетия — официальную версию из Стен и реальную, восстановленную по уцелевшим документам. Разница была чудовищной. Войны, которых не было. Победы, которых не случалось. Голод, превращенный в изобилие. Предательства, переписанные в подвиги. Казни невинных, объявленные торжеством закона.

Он смотрел на эту таблицу, разложенную на пыльном столе в подвале Архива, и чувствовал, как внутри что-то затвердевает. Не надежда. Не вера. Скорее, ледяное спокойствие обреченного, который знает дату своей смерти.

— Ты собираешься это опубликовать? — спросил Крыс, заглядывая через плечо. — Или просто любишь? Красиво получилось, да. Аккуратненько. Как расписание поездов, которых нет.

— Я не знаю, — честно ответил Томас. — Я не знаю, что с этим делать. Если я покажу это кому-то, меня убьют. Если я спрячу это здесь, это будет еще одна папка в коллекции забытых вещей. Бесполезная.

— Не совсем, — Крыс почесал небритый подбородок. — Есть люди, которым это интересно. Не здесь. В городе таких мало, почти нет. Но есть другие города. Другие королевства. За горами. Там нет Говорящих Стен. Там до сих пор верят бумаге.

Томас поднял голову.

— Вы предлагаете переправить это за границу?

— Я ничего не предлагаю, — быстро сказал Крыс. — Я просто констатирую факт. Теоретически, если бы существовал способ вывезти документы, их можно было бы опубликовать

там. Но это теория. На практике граница на замке. Переписка проверяется. Гонцов досматривают. Плюс языковой барьер. Плюс таможня. Плюс ищейки Службы Памяти, которые пасут любого, кто слишком часто смотрит на север.

— Но вы сказали...

— Я сказал «теоретически», — отрезал Крыс. — А практически — забудь. Сиди тихо. Читай. Запоминай. Может быть, когда-нибудь. Может быть, через десять лет. Может быть, никогда. Правда не обязана быть опубликованной, чтобы быть правдой. Она просто есть. Как камень в почке. Ты про нее знаешь, и этого достаточно.

Томас покачал головой.

— Недостаточно. Мой учитель умер не для того, чтобы его правда лежала в подвале и кормила моль. Он хотел, чтобы люди знали. Чтобы они перестали верить Стенам. Чтобы они начали думать.

— Чтобы они начали думать, им нужны мозги, — проворчал Крыс. — А большинство мозгов не имеют. И не хотят иметь. Им удобнее слушать пение и кивать. Ты сам был таким неделю назад, забыл?

Томас замолчал. Крыс был прав, и это было самое противное.

Он вышел из Архива под утро, когда город еще спал. Улицы были пусты, только стражники на углах переминались с ноги на ногу, да бездомные собаки рылись в мусорных кучах. Томас брел по мостовой, глядя под ноги, и вдруг услышал крик. Вернее, не крик — сдавленный стон, полный боли и ужаса.

Он замер. Крик доносился из переулка, что вел к Кварталу Ткачей. Томас знал это место. Там жили ремесленники — бедные, но гордые, те, кто еще помнил старые цеховые традиции. Кричала женщина.

Томас, не думая, рванул на звук. Он сам не понимал, зачем бежит. Может быть, потому что не смог спасти учителя, а теперь подсознание искало шанс искупить вину. Может быть, просто рефлекс. Может быть, глупость.

В переулке, у стены мастерской, трое стражников держали женщину. Она вырывалась, но силы были неравны. Один зажимал ей рот, двое других пытались надеть на голову мешок из грубой мешковины — такой же, какие надевают на приговоренных к Забвению.

— Что здесь происходит? — выкрикнул Томас, влетая в переулок.

Стражники обернулись. В предрассветных сумерках их лица казались серыми, неживыми. У одного на щеке был шрам, у второго — золотая серьга в ухе, у третьего — эмблема Корпуса Коррекции на груди. Элита. Не простые патрульные, а те, кто работает с памятью.

— Проходи мимо, парень, — бросил тот, что со шрамом. Голос у него был спокойный, даже скучающий. — Тут государственное дело. Не вмешивайся.

— Какое дело? — Томас не двигался с места. Сердце колотилось как бешеное. — Что она сделала?

— Не твое дело, — отрезал стражник с серьгой. — Исчезни, или поедешь с нами за компанию.

Томас посмотрел на женщину. Ей было лет сорок, одета в простое платье ткачихи, пальцы в мозолях от челнока. Лицо мокрое от слез, но глаза не безумные. Осмысленные. Полные ужаса, но осмысленные. Она смотрела на Томаса, и в этом взгляде была мольба. Не о спасении — она понимала, что спасти ее невозможно. О другом. О том, чтобы кто-то увидел. Чтобы хоть один человек стал свидетелем.

— Ее имя, — сказал Томас. — Скажите хотя бы имя.

Стражник со шрамом хмыкнул.

— Имя? У нее больше нет имени. Через час ее отвезут в Башню Забвения. К вечеру она выйдет оттуда чистой, как новорожденная. Без имени. Без прошлого. Без воспоминаний. Зачем тебе имя того, чего не существует?

— Затем, что я хочу помнить, — сказал Томас.

Стражники переглянулись. Тот, что с эмблемой Корректора, покачал головой.

— Ты странный, парень. Может, и правда забрать тебя? Заодно проверим, что у тебя в голове.

Томас попятился. Женщина вдруг дернулась, вырвала руку и сорвала мешок с головы. Она крикнула — хрипло, надрывно:

— Ленни! Меня зовут Ленни! Я ткала гобелены! Я ткала Сломанный Мост! Я помню, как он рухнул! Мой отец был там! Я не отрекись! Слышишь? Я не...

Стражник ударил ее в живот. Женщина согнулась пополам, захлебнувшись криком. Мешок снова накинули на голову, затянули веревку у горла. Томас стоял как вкопанный. Ленни. Ткачиха. Гобелен Сломанного Моста. Это была она. Та самая Лидия, которую он видел в записях Маркуса? Нет, Маркус писал о Лидии, но Лидия была старше. Это была другая. Дочь? Ученица? Сестра по цеху? Неважно. Важно, что она — такая же. Живой свидетель. Живая память. И ее увозили стирать.

— Вали отсюда, — процедил Корректор. — Последнее предупреждение. Будешь стоять — поедешь с нами.

Томас отступил. Медленно, пятясь, не отводя глаз от женщины, которую уволакивали в темноту. Он запоминал. Ее лицо, ее голос, ее имя. Ленни. Ткачиха. Гобелен Сломанного Моста. Он повторял это про себя, как молитву.

Стражники скрылись за поворотом. Переулок опустел. Только разбитый кувшин валялся на мостовой, да клочья мешковины на земле.

Томас стоял еще долго. Потом его вырвало. Прямо на бульжники, желчью и кислым вином, которое он пил в Архиве. Его трясло. Это был не страх. Это было понимание. Осознание того, что система не просто переписывает историю мертвых. Она стирает живых. Превращает людей в чистые листы, на которых можно написать что угодно. Северные Башни — это не тюрьма. Это типография. Там печатают новых людей.

Он вытер рот рукавом и пошел прочь. Ноги несли его обратно к Архиву, но он заставил себя свернуть. Нельзя было возвращаться к Крысу сейчас. За ним могли следить. Те стражники видели его лицо. Возможно, они уже передали описание в патруль. Возможно, завтра за ним придут. Возможно...

Он дошел до Башни Заката. Дверь была не заперта — после обыска ее выбили, и чинить было некому. Томас поднялся по лестнице в бывшую комнату Маркуса. Здесь все еще пахло гарью от сожженной книги. Он сел на пол в углу, обхватил колени руками и попытался дышать ровно.

Нужно было что-то делать. Не просто читать, не просто запоминать. Действовать. Учитель действовал — и погиб. Ленни действовала — и ее стерли. Но они действовали в одиночку. Одиночки обречены. Одиночек ловят, как ловят мышей в амбаре — по одной.

Значит, нужны союзники.

Мысль была опасной. Заговор против Исторической Истины карался не просто смертью. Каралось Забвением всего рода. Твои родители, твои дети, твои братья и сестры — всех вносили в списки на стирание. Не каждый готов был рискнуть семьей ради абстрактной правды.

Но должны же быть такие. Должны. Маркус был не один такой. Крыс был не один. Ленни была не одна — наверняка в Квартале Ткачей еще помнили, как рухнул мост. Наверняка в семьях, потерявших кормильцев в той катастрофе, сохранилась устная память. Наверняка среди стариков, которым за семьдесят, были те, кто видел первую версию истории и не забыл.

Томас начал составлять список. Не на бумаге — в голове. Бумагу могли найти. Голову найти сложнее. Он перебирал в памяти всех, кого встречал в Архиве, у кого замечал крамольные взгляды, сдержанные усмешки при упоминании Стен. Булочник с Горбатого переулка, который однажды сказал: «При моем деде хлеб стоил дешевле, а Стены молчали». Ста-

руха-травница, что жила за Восточными воротами и лечила ожоги мазью, рецепт которой не был одобрен Академией. Сын кузнеца, парень лет шестнадцати, который читал старые книги и задавал слишком много вопросов.

Томас насчитал восемь человек. Восемь — это не армия. Это даже не кружок. Это горстка испуганных людей, разбросанных по городу. Но с чего-то нужно начинать.

Он решил навестить булочника первым.

Булочника звали Грета. Это была женщина лет пятидесяти, с руками, покрытыми мукой и ожогами от печи. Ее пекарня находилась в Горбатом переулке — узкой кривой улочке, куда редко заглядывали патрули. Томас пришел туда вечером, когда последние покупатели уже разошлись, а Грета закрывала ставни.

— Закрыто, — буркнула она, не оборачиваясь. — Приходи завтра.

— Я не за хлебом, — сказал Томас.

Грета обернулась. Лицо у нее было тяжелое, обветренное, как старая кирпичная стена. Глаза смотрели настороженно.

— А за чем? Если ты из Службы Памяти, так и скажи. Я ничего не нарушала. У меня лицензия в порядке, налоги уплачены, гимны я пою.

— Я не из Службы, — Томас подошел ближе и понизил голос. — Я ученик Маркуса. Летописца, которого казнили неделю назад.

Грета замерла. В глазах что-то мелькнуло — не испуг, скорее узнавание.

— Маркус, — медленно произнесла она. — Он покупал у меня хлеб. Двадцать лет. А потом стража спросила, знаю ли я его. Я сказала «нет». Сказала, что никогда не видела. Что не помню. — Она помолчала. — Я помню. Он был хороший человек. Любил сырную корочку.

— Он писал книгу, — сказал Томас. — Правдивую историю. Без вранья Стен.

— И его убили. А книгу сожгли.

— Да. Но я прочитал ее. И я нашел другие документы. В Архивах. Подтверждения.

Грета долго смотрела на него. Потом открыла дверь пекарни и кивнула:

— Заходи.

Внутри было жарко и пахло дрожжами. Грета усадила Томаса за грубый деревянный стол, налила горячего травяного отвара, придвинула тарелку с булочками.

— Рассказывай, — сказала она. — Только тихо. Стены слышат, даже когда молчат. У них есть уши и кроме магии.

Томас рассказал. Все. Про архив, про документы, про таблицу с циклами, про Ленниткачиху, которую увезли сегодня утром. Грета слушала молча, не перебивая. Когда он закончил, она долго сидела, глядя в кружку с отваром.

— Я знала про голод, — сказала она наконец. — Моя бабка рассказывала. Она умерла, когда мне было двенадцать, но я запомнила. Она говорила: «Никогда не верь поющим камням. Они украли у нас правду, как воры крадут кошельки». Тогда я думала, это старческое. Бред. А потом бабка умерла, и Стены запели, что голода не было. И я решила — бабка ошиблась. Память подвела. Старикам свойственно путать. А теперь ты говоришь, что бабка была права.

— Она была права, — подтвердил Томас. — И таких, как ваша бабка, много. Тех, кто помнит. Тех, кто еще жив. Но их становится все меньше. Через десять лет не останется никого. И тогда правда умрет окончательно.

— Зачем ты пришел ко мне? — спросила Грета. — Чего ты хочешь?

— Я хочу создать круг, — сказал Томас. — Людей, которые знают правду. Которые будут передавать ее устно, из уст в уши, как это делали до появления Стен. Не записывать. Записи находят и жгут. Говорить. Учить детей. Рассказывать внукам. Если мы не можем изменить Стены, мы можем изменить людей. Медленно. По одному. Поколение за поколением.

Грета усмехнулась. Усмешка была невеселой.

— Ты понимаешь, что предлагаешь? Это подполье, парень. За устную передачу неканонической информации — та же статья, что и за книги. Забвение. Если нас поймают, наши имена исчезнут. Наши дети забудут, кем мы были. Это хуже смерти.

— Я знаю, — сказал Томас. — Мое имя и так скоро исчезнет. Я предал учителя и теперь должен искупить это. Мне нечего терять. А вам — решать. Если вы откажетесь, я уйду и больше не потревожу вас. Вы просто забудете этот разговор. Это будет правильно и безопасно.

Грета встала, подошла к печи, открыла заслонку. Огонь осветил ее лицо, и Томас увидел в ее глазах то же самое выражение, что было у Маркуса перед казнью. Спокойную, обреченную решимость.

— У меня была дочь, — сказала Грета, глядя в огонь. — Она заболела во время Чумы. Чуму переименовали в Очищение, но дочь от этого не воскресла. Она лежала в горячке и звала отца. Отец ушел на Северный фронт и не вернулся. А Стены потом запели, что никакого фронта не было, что была миротворческая миссия, и что солдаты, не вернувшиеся домой, стали героями-добровольцами. Я ненавижу эти стены, парень. Я ненавижу их каждой минутой своей жизни. Но я молчала. Двадцать лет молчала. Потому что было страшно.

Она повернулась к Томасу.

— Ты первый, кто пришел и сказал: «Давай что-то сделаем». Я не знаю, выйдет ли что-то из этого. Скорее всего, нас поймают. Но молчать больше не могу. Я с тобой.

Томас выдохнул. Он сам не заметил, что задерживал дыхание.

— Спасибо, — сказал он.

— Не благодари. Это не за тебя. Это за дочь. И за бабу. И за того старика, что любил сырную корочку.

Они договорились встретиться через три дня. Грета обещала поговорить с травницей за Восточными воротами — она знала ее много лет и могла поручиться. Томас должен был попытаться выйти на кузнеца и его сына. Остальных — постепенно, осторожно, проверяя каждого по десять раз.

— Как мы будем связываться? — спросила Грета. — Встречи на виду опасны.

— Через Крыса, — сказал Томас. — Архивариуса. У него есть потайная комната, и он знает, как прятать следы. Пока он нас не сдал, мы можем использовать Архив как базу.

— А если сдаст?

— Тогда мы все покойники. Но он не сдаст. Ему тоже есть что терять.

Томас вышел из пекарни поздно ночью. На улице было тихо, только где-то вдалеке пели Стены — ночной гимн, успокаивающий, усыпляющий. «Спите, добрые граждане. Королевство под защитой. Истина незыблема. Прошлое прекрасно. Будущее светло». Ложь. Сладкая, ублаживающая ложь.

Он шел и думал о том, что начал то, чего не понимает. Создание подпольного кружка — это не игра. Это война. А он не солдат. Он — бывший фанатик, предатель, запутавшийся мальчишка, который хочет искупить грех. Достаточно ли этого, чтобы вести людей на смерть?

Он не знал.

На следующий день он пошел к кузнецу.

Кузница стояла на окраине города, у Северных ворот. Днем здесь было шумно — молоты стучали по наковальням, мехи дышали как живые, лошади ржали в ожиданииковки. Но вечером, когда Томас пришел, работа уже закончилась. Кузнец, огромный мужчина с черной от сажи бородой, сидел на пороге и пил пиво из глиняной кружки. Рядом с ним сидел его сын — тот самый парень, которого Томас приметил в Архиве. Худой, вихрастый, с умными, пытливыми глазами.

— Добрый вечер, — сказал Томас, останавливаясь поодаль. — Я могу поговорить с вами?

Кузнец поднял голову. Взгляд у него был тяжелый, оценивающий. Так смотрят на лошадь перед ковкой — прикидывают, лягнет или нет.

— Ты ученик казенного летописца, — сказал он вместо приветствия. — Я тебя знаю. Ты был на площади. Ты стоял в первом ряду и смотрел, как рубили голову твоему учителю.

Томас вздрогнул. Он не ожидал, что его узнают.

— Да, — сказал он. — Это я.

— И что ты хочешь? — спросил кузнец. — Пришел извиняться? Каяться? Или, может, доносить? Говорят, ты донес на старика. Говорят, ты сжег его книгу.

— Говорят правду, — сказал Томас. Голос его звучал глухо, но твердо. — Я сделал это. Я предал его. И теперь я хочу исправить.

— Исправить? — кузнец хмыкнул. — Как? Воскресить старика? Новую книгу написать?

— Новую книгу, — кивнул Томас. — Только не на бумаге. В головах.

Кузнец и его сын переглянулись. Сын что-то прошептал отцу. Тот кивнул.

— Заходи, — сказал кузнец. — Поговорим внутри.

В кузнице было жарко, хотя горн уже потушили. Угли еще тлели, разбрасывая красноватые отсветы по закопченным стенам. Томас сел на перевернутую бочку. Кузнец остался стоять, скрестив руки на груди. Сын устроился на верстаке, свесив ноги.

— Меня зовут Хенрик, — сказал кузнец. — Это мой сын, Оскар. Он читает. Слишком много читает. Я ему говорил — не светись, не ходи в Архив, не задавай вопросов. Но он не слушает. Молодой.

— Я тоже не слушал, — сказал Оскар. Голос у него был звонкий, мальчишеский. — Я читал про старые войны. Про то, как строили город. И я заметил странности. В одной книге написано одно, в другой — другое. А Стены говорят третье. Я спросил у учителя в школе — он сказал, что это ошибки перевода. Но я не поверил. Ошибки перевода не бывают такими... удобными. Такими своевременными.

— Ты прав, — сказал Томас. — Это не ошибки. Это сознательное переписывание.

Он рассказал им то же, что и Грете. Про циклы, про Архив, про Ленни. Оскар слушал с горящими глазами, Хенрик — мрачно, насупившись.

— Ты понимаешь, что предлагаешь? — спросил кузнец, когда Томас закончил. — Ты предлагаешь нам стать заговорщиками. Мятежниками. У меня кузница, заказы от городской стражи. Если меня заподозрят...

— Я знаю, — перебил Томас. — Поэтому я не прошу вас вступать. Я прошу только думать. Запоминать. И передавать дальше. Тем, кому доверяете. Без бумаг, без улик. Устно. Как сказки. Как легенды. Стены не могут контролировать то, что говорится шепотом на кухне.

— Сказки, — повторил Оскар. — Мне нравится. Сказки про голод. Сказки про Сломанный Мост. Сказки про драконов, которых не было.

— Именно, — сказал Томас.

Хенрик долго молчал. Потом подошел к горну, плюнул в угли. Плевков зашипел и испарился.

— У меня был брат, — сказал он. — Он служил в армии. Пропал без вести во время Северной Кампании. Официально — герой, пал смертью храбрых. Но один солдат, который вернулся без ноги, рассказал мне перед смертью, что никакой кампании не было. Что их послали подавлять бунт в шахтах. Что брата убили не враги, а свои — за то, что отказался стрелять в шахтеров.

Он повернулся к Томасу.

— Я двадцать лет пытался забыть этот разговор. Двадцать лет убеждал себя, что безногий солдат бредил. Что Стены правы. Что брат — герой. Но ты пришел и сказал, что все это было ложью. Что я двадцать лет обманывал себя.

— Мне жаль, — сказал Томас.

— Не жалею. Просто скажи, что делать.

Томас посмотрел на Хенрика, на Оскара, на тлеющие угли в горне. Первый круг. Три человека. Он, Грета, кузнец с сыном. Четверо. Уже четверо. Крыс — пятый, но Крыс не в счет, он просто предоставляет помещение. Травница — потенциально шестая. Семь. Меньше, чем пальцев на двух руках. Но это было начало.

— Для начала — никому не говорить, — сказал он. — Даже тем, кому доверяете. Сначала проверять. Наблюдать. Искать тех, кто сомневается. Тех, кто не поет гимны с должным энтузиазмом. Тех, кто слишком долго смотрит на Стены, прежде чем поклониться. Мы встретимся через три дня в Архиве. Там обсудим план.

— Архив — опасное место, — заметил Хенрик. — За ним следят.

— За ним следят снаружи, — сказал Томас. — Но внутри есть места, о которых Корректоры не знают. Крыс покажет.

Он ушел из кузницы далеко за полночь. На улице моросил дождь. Тот самый, что шел в день казни. Томас поднял воротник и зашагал к Башне Заката.

По дороге он проходил мимо Главной Стены. Она возвышалась над площадью, огромная, серая, покрытая резьбой и магическими рунами. Даже ночью она пела. Тихо, едва слышно, как колыбельную. «Все хорошо. Все правильно. Ты в безопасности. Твоя вера — истина. Твои сомнения — ересь. Спи».

Томас остановился. Он смотрел на Стену и думал о том, что сказала Грета. «Стены слышат, даже когда молчат». Может быть, она права. Может быть, прямо сейчас, в этом самом камне, есть заклинание, которое слушает его мысли. Может быть, завтра утром за ним придут, и все закончится, не успев начаться.

Но за ним не пришли. Он дошел до Башни, поднялся в пустую комнату, лег на старый матрас Маркуса и закрыл глаза.

Перед сном он, как всегда, повторил про себя имена. Маркус. Ленни. Все те, кого стерли. Все те, кого он не знал, но кто существовал.

Теперь он был их голосом.

И он не собирался замолкать.

Собор в подвале

Через три дня они встретились. В той самой потайной комнате Архива, куда Крыс впервые привел Томаса в ночь перед казнью. Комната была тесной, пропахшей плесенью и табаком, но в ней поместились все семеро. Грета-булочница пришла первой, закутанная в серый плащ, с корзиной хлеба для маскировки. За ней — Хенрик-кузнец, огромный и молчаливый, как утес, и его сын Оскар, чьи глаза горели тем особенным огнем, который бывает только у молодых и отчаянных. Травница Марта, сухая как осенний лист, с пучками сушеных трав в холщовом мешке. Иона, бывший писарь из Канцелярии, уволенный за «несоответствие исторической линии» — он пришел последним, оглядываясь через плечо. И Крыс, который сидел в углу на перевернутом ящике и дымил трубкой, делая вид, что он здесь ни при чем. Семь человек, не считая самого Томаса.

Стены над их головами молчали — эта часть Архива была глухой, магия сюда не добивала. Но каждый из присутствующих знал, что тишина обманчива. Где-то наверху, в обитаемой части города, камни пели, и в их песне каждое слово было гвоздем в крышку гроба истины.

— Нас восьмеро, — сказал Томас, когда все расселись. Голос его звучал негромко, но в тесноте подвала каждое слово было слышно отчетливо. — Этого мало. Этого смехотворно мало. Но больше у нас нет. Поэтому давайте начнем с того, что у нас есть.

Он достал из-за пазухи сложенный лист бумаги. Не оригинал — копию, переписанную от руки. Оригинал таблицы циклов он оставил у Крыса, в тайнике за стеной. На всякий случай. Если его схватят с бумагой, это будет уликой. Если схватят без бумаги — будут пытаться, чтобы узнать, где она. Выбор между плохим и очень плохим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.